

ЛИТЕРАТУРА КАК ОБЩЕНИЕ И ПОЛИФНИЯ

Литература 1860-х годов — блестящего периода развития русского реалистического искусства — издавна привлекает пристальное внимание исследователей. Ей посвящено немало работ. Велики достижения нашей науки в этой области; опубликовано большое количество документов и материалов, подготовлен целый ряд научных собраний сочинений, изданы фундаментальные исследования творчества отдельных писателей и обширная литература о некоторых явлениях прозы 60-х годов, в особенности о беллетристике и критике революционной демократии. Тем не менее книга Лидии Лотман* вносит много нового в понимание этой исключительно важной и, казалось бы, хорошо исследованной эпохи русского реализма.

Л. Лотман сосредоточивает свое внимание преимущественно на проблемах, связанных с развитием тех жанров литературы, в которых особенности реализма проявлялись наиболее отчетливо.

* Л. М. Лотман. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974.

В поле зрения Л.Лотман попадает широкий круг писателей, начиная от таких корифеев реализма середины века, как Л.Толстой, Достоевский, Тургенев, и кончая литераторами второго и третьего ряда — Решетников, Н.Успенский, Левитов, А.Потехин, Мельников-Печерский и др.

Замысел книги состоит в том, чтобы рассмотреть русскую литературу 60-х годов как некий большой спор писателей между собой, — спор, или разговор, или соревнование, — в котором раскрывается своеобразие позиции каждого писателя, и, что самое важное, их реакция на достижения и недостатки друг друга. Конечно, писатели развиваются под воздействием действительности, но в условиях постоянного интеллектуального общения друг с другом — общения непосредственного и через корреспонденцию, журнальные статьи и, самое главное, с помощью своих художественных произведений. Каждое новое произведение — это шахматный ход, изменяющий соотношение сил на всей «игральной доске» литературы.

Как бы ни стремились авторы монографических работ об отдельных писателях окружить их контекстом эпохи, все же творчество писателей в этих работах в целом чаще всего выступает как монолог. Такой традиционный подход имеет свои выгоды, достаточно хорошо раскрывшиеся в многочисленных монографиях, но при этом что-то очень важное в историко-литературном развитии все же неизбежно ускользает.

Своеобразие подхода Л.Лотман состоит в том, что явления литературы 60-х годов рассматриваются ею в их соотнесенности, взаимодействии, борьбе и единстве. Различные направления литературы и общественной мысли рисуются в исследовании не отгороженными друг от друга, а в живом процессе творческих контактов и творческих противостояний. Так, плодотворность деятельности революционных демократов более явственно обнаруживается, когда они выступают не как «антиподы» великих реалистов второй половины XIX века, а как деятели, связанные со всеми значительными проявлениями исторической жизни своей эпохи, воздействующие на умы лучших людей своего времени и в свою очередь испытывающие их влияние.

Если возможно кратко сформулировать новое в подходе Л.Лотман к литературным произведениям, то это новое заключается в том, что каждое произведение рассматривается как «общественный поступок», вернее, «литературный поступок», а творчество писателя выступает в этой работе как общественное поведение — «литературное поведение».

Вся работа отмечена единством исторического взгляда. Это книга, имеющая единую концепцию, свой научный сюжет, внутреннюю логику построения.

Учитывая литературу вопроса, внимательно относясь к трудам предшественников, в необходи-

мых случаях отсылая к ним читателя, Л.Лотман создает оригинальную концепцию развития реалистической прозы в 60-е годы и ее главных структурных особенностей. Для книги характерно органическое соединение конкретно-исторического и теоретико-литературного подхода.

Противопоставляя друг другу этапы развития реалистической прозы и выявляя самобытность литературы 60-х по отношению к «натуральной школе» 40-х годов, Л.Лотман подчеркивает вместе с тем преемственность — нити, ведущие от одного периода к другому. Говоря о творческом взаимодействии писателей, Л.Лотман одинаково подробно рассматривает как то, что их сближает, так и то, что их разделяет (например, Толстого и Тургенева, Достоевского и Помяловского). Отмечая влияние одного писателя на другого, Л.Лотман определяет условия, в которых происходили творческие контакты, личные взаимоотношения, соотношение их литературно-эстетических принципов, идейные и философские позиции, и нередко обнаруживает, что воздействие было взаимным. При этом цель автора не доказательство каких-либо положений и предположений, а разностороннее обследование всех сложных проявлений литературного процесса, его разнонаправленных сил и тенденций.

Утверждая, что образ Лаврецкого в «Дворянском гнезде» предвосхитил многими своими чертами толстовских героев — Пьера Безухова и

Левина, — Л.Лотман устанавливает, что это сходство во многом определяется общими изменениями этического идеала эпохи и эпохального типа героя-мыслителя. В этой связи автор «подключает» к сравнению героев Толстого и Тургенева и героя, взятого как бы из очень далекой сферы художественной прозы эпохи, — Рахметова из «Что делать?» Чернышевского. В нем также выявляются черты, роднящие его с литературными «современниками» — героями-мыслителями, созданными в произведениях других реалистов 60-х годов.

Рассмотрением проблемы творческого взаимодействия писателей на уровне литературных типов не исчерпывается подход к ней автора. В книге разрабатывается проблема взаимодействия и в плане исследования непосредственного взаимоотношения литераторов. Тщательное обследование отношений Толстого и Тургенева во второй половине 50-х годов приводит Л.Лотман к выводу, что тип Лаврецкого возник у Тургенева в результате художественного осмысления им личности, духовных исканий и творческих замыслов Толстого, которого Тургенев оценил раньше и более глубоко, чем другие литераторы. В этом частном эпизоде сказывается особенность методики Л.Лотман. Закономерности литературного процесса выявляются путем разностороннего анализа конкретных исторических и историко-литературных фактов, и обобщения охватывают их во всей их противоречивой сложности.

При подобном подходе появляются новые оттенки в понимании реалистических романов и их героев. Высказывания писателей друг о друге и об их творчестве, их встречи, разговоры, переписка приобретают особое значение. Широкое развитие в 60-е годы журналистики и осведомленность писателей о всех литературных новинках — отечественных и зарубежных — выступает как важнейший фактор литературного процесса. Литература предстает как единое органическое целое, включающее в себя антагонистические течения, направления, взгляды, художественные решения в отдельных произведениях.

Л.Лотман видит историческую зависимость не только между однородными явлениями, но и между противостоящими друг другу в общественной борьбе или такими, связи которых носят осложненный, опосредствованный характер. Художественные достижения предстают в книге как следствие присущего эпохе активного идейного и творческого обмена и «творческой борьбы».

Наконец, при такого рода подходе особенно ярко выступает фигура Тургенева — писателя исключительно чуткого ко всему тому, что делалось вокруг него в русской и западноевропейской жизни. Тургенев необыкновенно быстро и глубоко аккумуляировал все, что происходило в окружающей его литературной среде, и передавал, общал это другим писателям, причем не только русским.

Рассматривая взаимоотношения писателей как своеобразные диалоги, Л.Лотман считается не столько с «рангом» писателей, сколько с тем, что было в реальной действительности, не придумывает эти «диалоги», а обнаруживает их в реальном литературном процессе. Л.Лотман показывает, например, весьма важное столкновение двух писательских личностей разного масштаба — Достоевского и Помяловского. В этом столкновении проявляются особенности творчества Помяловского и его значение в истории русской литературы.

Помяловский сам осознавал, что его защита юношества от изуверского физического и духовного порабощения в бурсе имеет внутреннюю связь с гражданским гуманизмом «Записок из Мертвого дома». «Очерки бурсы» он стал печатать в журнале Достоевских «Время». В свою очередь на Достоевского произвел большое впечатление Помяловский как яркий, одаренный представитель разночинной среды — типичный «нигилист», человек сильного и самобытного склада. Достоевский, для которого ситуация сократического диалога, спора всегда была источником высшего драматизма, выражением идейных борений, составляющих внутреннее существо жизни современного общества, не мог не заметить в популярном романе Помяловского «Молотов» сцену диалога-спора в ресторане двух друзей о смысле бытия человека и человечества, pro et contra перспектив и судеб европейской

цивилизации. Интерес Достоевского к Помяловскому приобрел более явственную форму тогда, когда по смерти писателя-демократа в «Современнике» появилась его биография и публикация его незавершенных произведений. Л.Лотман усматривает отражение личности Помяловского в некоторых героях «Преступления и наказания» и реминисценции из его произведений в романах Достоевского 60–70-х годов. После этого в книге ставится вопрос об идейных и философских взглядах писателей, о том, что Помяловский, воспитанный на догматической религиозно-философской культуре, стремился приобщиться к рационализму и просветительскому мировоззрению, а Достоевский совершал обратное движение от просветительского мировоззрения к исканиям, окрашенным воздействием религиозно-философской мысли.

Было бы неправильно думать, что развитие литературы рассматривается в книге в какой бы то ни было степени как имманентный процесс. Л.Лотман стремится показать, как действительность эпохи 60-х годов, отраженная в произведениях русских писателей, в их идеалах, в проблематике литературы и структуре ее типов, стала основой великих художественных открытий, предопределила собою новый этап развития реализма.

Книга пронизана мыслью о связи литературного развития с историческими обстоятельствами и ощущением взаимной зависимости самых разных сторон общественной и духовной жизни эпохи.

Поэтому книга строится не как исследование какой-либо одной особенности литературы 60-х годов или каких-либо ее черт, она содержит анализ широкого круга художественных явлений.

У книги Л.Лотман «полифонический» характер. На протяжении всей работы на разных уровнях устанавливаются определяющие закономерности историко-литературного развития изучаемой эпохи, и каждая из них отражается в других сферах, выступая в кругу своих причин, последствий и отголосков. Л.Лотман показывает, что великие художественные открытия рождаются не изолированно, не в замкнутой творческой лаборатории отдельного, пусть и гениального, писателя, а в результате взаимодействия своеобразных, иногда даже взаимно несовместимых внутренних миров, взрыва творческой энергии, порожденной этим взаимодействием.

Во всесторонней и многотемной характеристике литературы 60-х годов Л.Лотман сравнительно мало уделяет внимания стилям литературы. Между тем было бы очень важно с помощью той же методики комплексного изучения рассмотреть и специально стилистические проблемы: борьбу различных стилей и расширение стилистического разнообразия, в частности, за счет фольклора и древней русской литературы.

Так, например, когда Л.Лотман рассматривает образ Мармеладова и его речь в связи со «Сказанием о бражнике», напрашивается желание дать

более детальный анализ стиля этой речи, где живейшую роль играют церковнославянизмы и отдельные пассажи, напоминающие духовный стих («И возглаголят премудрые, возглаголят разумные»). Наблюдения над стилем могли бы серьезно подкрепить концепцию Л.Лотман о зависимости образа Мармеладова от «Сказания о бражнике». То же самое надо сказать и о князе Мышкине. Л.Лотман говорит о зависимости образа «идиота» от образа Христа. Действительно, в стиле речей Мышкина также многое идет от евангельских речей Христа («Я в мир пришел...» и т.д.). Черты сходства отмечает Л.Лотман в стиле обращения Федора Павловича Карамазова к Зосиме с обращением беса Зерефера к старцу-отшельнику, но было бы важно углубить эти наблюдения и в других случаях. Многие в речах старца Зосимы как бы откликается на стиль, которым написано «Сказание о странствии инока Парфения» и которым увлекался Достоевский.

Особое место в последней главе книги занимает раздел о соотношении идейно-образной концепции романов «Идиот», с одной стороны, и сатирических концепций «Бесов — с другой, с народной легендой и произведениями древнерусской литературы.

Уместно было бы в этой части работы остановиться более подробно и разносторонне на отношении Достоевского к фольклору и древнерусской литературе в целом. Думается также, что Л.Лотман извлекла не все возможности из по-

ставленной ею же самой проблемы.

Сопоставляя образ Мышкина и некоторые весьма важные ситуации романа «Идиот» с легендами о братании купеческого или царского сына с Христом, Л.Лотман приводит цитату из предисловия Афанасьева к сборнику легенд, в котором Афанасьев свидетельствует о широком бытовании в народе легенды о хождении Христа по Руси. Обращая внимание на сходство основного «сюжета» этой легенды с исходной ситуацией романа «Идиот», Л.Лотман не углубляется в проблему значения этой легенды в системе народных утопических представлений, а между тем это было бы нетрудно сделать сейчас, опираясь на фундаментальный труд К.Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» (М., 1967). Сделав это, Л.Лотман еще органичнее и убедительнее связала бы данный раздел с остальным содержанием книги.

В последнее время исследователи уделяют все большее внимание связям творчества Достоевского с древней русской литературой*. Нельзя

* См. Д.С.Лихачев. «Летописное время» у Достоевского // «Поэтика древнерусской литературы». Л., 1967. С. 319–334; Ветловская В.Е. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем) // Достоевский и русские писатели. М., 1971. С. 325–254; Ее же. Достоевский и поэтический мир древней Руси (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых») // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVIII. Л., 1974. С. 296–307.

не признать это симптоматичным. Представления о пропасти, отделяющей древнюю русскую литературу от новой, постепенно отходят в прошлое. Русская литература все более и более предстает в своем единстве: единстве историческом и единстве борьбы и союза внутри каждой эпохи.

Книга Л.Лотман является первым исследованием, ставящим вопрос о русской художественной прозе комплексно. Литература рассматривается в ней как общение писателей с современной им литературой — общение, не исчерпывающее себя и не застывающее в постоянно меняющейся и усложняющейся действительности.